

**ВЕЧНЫЕ ИДЕИ И ЦЕННОСТИ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»
И Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»
(ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ)**

*Работа представлена кафедрой филологии и методики преподавания русского языка и литературы
Бирской государственной социально-педагогической академии.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Р. Ф. Хасанов

В статье рассматривается один из аспектов сопоставительного изучения романов «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака, а именно особенности изображения центральных героев Льва Мышкина и Юрия Живаго. В ходе исследования выявлено, что писатели создавали образы героев, опираясь на библейские традиции. В частности, для обоих романов лейтмотивными являются мотивы воскрешения, детства как эталона чистоты и святости, сюжет земного пути Христа.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Б. Л. Пастернак, герой, мотив, сюжет, библейские традиции.

F. Kamel'yanova

**ETERNAL IDEAS AND VALUES IN THE NOVELS “IDIOT”
BY F. M. DOSTOEVSKY AND “DOCTOR ZHIVAGO” BY B. L. PASTERNAK
(THE COMPARATIVE STUDY)**

The article is devoted to one of the aspects of the comparative study of the novels “Idiot” by F. M. Dostoevsky and “Doctor Zhivago” by B. L. Pasternak, namely the peculiarities of the central characters Lev Myshkin and Yuri Zhivago. In the course of the investigation it was found out that these writers created their characters following the Bible traditions. Thus, in both novels the main lines are the ideas of resurrection, childhood as a pattern of purity and holiness, the plot of Jesus’ earthly way.

Key words: F. M. Dostoevsky, B. L. Pasternak, character, plot, idea, Bible traditions.

Вопрос о литературных влияниях в творчестве писателей является одним из наиболее актуальных в современном литературоведении. Прямой или косвенный этико-философский и художественно-эстетический диалог между произведениями объясняется тем, что авторы находятся в рамках общечеловеческих культурных традиций, и влияния подобного рода неизбежны. Изучение произведений в этом ракурсе открывает новые возможности их интерпретации и более глубокого понимания. В этом отношении, на наш взгляд, интересны романы Ф. М. Достоевского «Идиот» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». По словам исследователя творчества Пастернака И. Л. Альми, «...резкая ориги-

нальность писательской манеры автора “Доктора Живаго” сочетается с явной его опорой на мир русской классики. Роман насыщен “пересечениями” с крупными и малыми чертами этого мира... Струи отдельных традиций в потоке неповторимопастернаковской прозы сливаются, теряют свою особость, но связь с Достоевским (прежде всего с романом “Идиот”) ощущается постоянно» [1, с. 242]. В данной работе мы попытаемся выявить эти «пересечения» на уровне сюжетостроения, мотивов и образов.

Создавая главных героев Льва Мышкина и Юрия Живаго, Ф. М. Достоевский, а вслед за ним и Б. Л. Пастернак опирались на вековечный идеал Христа. Начиная работу над

романом о «положительно прекрасном человеке», Достоевский говорил: «Все писатели, не только наши, но даже и европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного – всегда пасовали. Потому что эта задача безмерная. Прекрасное – есть идеал, а идеал ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть только одно положительно прекрасное лицо – Христос» [4, с. 45]. И первоначально в черновых вариантах «Идиота» Мышкин назван автором не иначе как Князь Христос. У Пастернака также евангельские мотивы тонко вплетены в ткань романа, но более явны отсылки к Библии в тетради Живаго, в его стихах. Вместе с тем очевидно, что создать или воссоздать образ Христа даже силой творческого воображения невозможно. Писатели лишь попытались воплотить в своих героях некий христианский идеал. Изучая роман Ф. М. Достоевского, исследователь И. Евлампиев пишет: «Бог из трансцендентного Абсолюта превращается в имманентную основу эмпирической личности; Бог – это потенциальная полнота жизненных проявлений личности, ее потенциальная абсолютность, которую каждая личность призвана реализовать в каждый момент своей жизни. Это обуславливает первостепенное значение образа Иисуса Христа для Достоевского. Христос для него – это человек доказавший возможность реализации той полноты жизни и той потенциальной абсолютности, которые заложены в каждом из нас и которые каждый может хотя бы частично раскрыть в своем бытии. Именно в этом состоит смысл *Богочеловечности* Христа, а вовсе не в том, что он соединил в себе человеческое начало с некоей сверх- и внечеловеческой божественной сущностью» [5, с. 105]. Значит, сопоставление литературных героев с образом Христа нельзя сводить к механическому нахождению сходств и различий между ними. Писатели не стремятся к их абсолютному подобию, потому как в центре внимания художников духовное начало в героях, а не условные детали. Слова Евлампиева оказываются справедливы и по отношению к Юрию Живаго, доказывающему своей жизнью, что

человек пришел в этот мир реализовать все лучшее, данное свыше. Писатель попытался создать героя, в котором духовное и земное слиты воедино, но духовное, по мысли писателя, это не небесное, а одухотворение земного, потому и идеал Христа находит воплощение в обычном человеке с его проблемами и заботами. Как показывают авторы, произошел своего рода сбой ориентиров. Люди в своем большинстве, забыв о вековых христианских ценностях, увлечены меркантильными целями обогащения и наживы. Но а те, кто стремится жить в гармонии с собой и миром, слынут идиотами или же остаются непонятыми. Герои Достоевского и Пастернака живут сердцем. Князь Мышкин, например, пытается видеть в человеке только лучшее, при этом недоброе, темное стараясь не замечать. По-христиански он считает себя не вправе судить других. Показателен диалог между Ганей Иволгиным и князем, когда Иволгин говорит: «И знаете, вслед за ними и за нею (Настасьей Филипповной. – Ф. К.) я и сам себя подлецом называю! Вот что подло так подло!» [3, с. 145]. На что князь Мышкин вкрадчиво отвечает: «Я вас подлецом теперь уже никогда не буду считать... Теперь я вижу, что вас не только за злодея, но и за слишком испорченного человека считать нельзя. Вы, по-моему, просто самый обыкновенный человек, какой только может быть, разве только что слабый очень и нисколько не оригинальный» [3, с.146]. Князь сумел разглядеть в нем не злодея, а всего-навсего несчастного человека, нуждающегося в доброте и понимании. Его всепрощающая любовь буквально обезоруживает. В Библии сказано: «Тот, кому мало прощается, мало любит» [Лк. 7:47]. Князю открыт смысл этих слов: он знает, что человеку свойственно ошибаться, но известно ему и то, что только понимание и прощение окружающих может вернуть заблудшего на путь истинный. К тому же Мышкин открывает, что все люди едины в одном: какими бы они ни были, все желают любить и быть любимыми. Именно в любви ему видится высшее благо. Только это великое чувство способно сделать человека счастливым, преобразить его. И именно такую

любовь спасительную и всепрощающую он дарит окружающим. А в христианстве «...Бог есть любовь» [1Ин. 5:16], Иисус – Сын Божий, несущий любовь в мир, а значит, становится очевидна параллель между Христом и князем Мышкиным.

Имманентное символическое значение в контексте произведений обретают и детали. К примеру, образ железной дороги, возникающий неоднократно на страницах романов (к примеру, Мышкин приезжает в Россию на поезде, Живаго едет на поезде в Мелюзеево и др.), на наш взгляд, символизирует некий predetermined путь в судьбе героев, подобно пути Христа, посланного в мир искупить людские грехи. И если с дороги обычной можно сойти в сторону, то с железной сойти нельзя, это грозит катастрофой.

Достоевский дает своему герою осознание его нелегкой миссии. «Теперь я к людям иду, я, может быть, ничего не знаю... с людьми мне будет, может быть, скучно и тяжело», – говорит князь Мышкин [3, с. 96]. Ощущение predeterminedности есть и у героя Б. Пастернака. В тетради со стихами Юрия Живаго читаем:

«Но продуман распорядок действий,

И не отвратим конец пути...» [7, с. 511], т. е. существует некая высшая сила, ведущая его и не дающая сбиться.

В ходе исследования нами выявлена еще одна точка соприкосновения двух романов – это детская тема, получающая в произведениях библейское преломление. Отношение к детям как к мерилу духовной чистоты и красоты сближает писателей. Еще в Библии сказано: «...если не обратитесь и не станете как маленькие дети, не войдете в небесное царство. А потому, кто смирит себя как это дитя, тот и больший в небесном царстве» [Мф. 18:3 – 18:4]. Ребенок является воплощением кротости, смирения, чистоты, эталонном всего нравственного и духовного в жизни. В творчестве Достоевского эта тема звучит рефреном. В «Дневнике писателя» за 1876 г. он говорил: «Слушайте, мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. <...> Они нас учат многому и... делают нас лучше уже одним только нашим соприкосно-

вением с ними. А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому..., к их невинности...» [4, с. 68]. В романе «Идиот» эта тема выразилась особенно ярко. Каждый раз, желая возвысить своего героя, писатель прибегает к детской теме, наделяя Мышкина чертами «детскости». Мышкин и сам о себе говорит: «...Я сам совершенный ребенок, т. е. вполне ребенок» [3, с. 56]. И далее: «Я не люблю быть со взрослыми... все-таки с ними тяжело почему-то, и я ужасно рад, когда могу уйти поскорее к товарищам, а товарищи мои всегда были дети...» [3, с. 95]. Князь интуитивно чувствует легкость детской души, ее чистоту. «Через детей душа лечится», – говорит он [3, с. 36].

На протяжении всего романа Лев Мышкин пытается отыскать детскость и в окружающих. К примеру, обращаясь к Лизавете Прокофьевне, Мышкин говорит: «...Я просто уверен, что вы совершенный ребенок... Вы ведь на меня не сердитесь, что я так говорю? Ведь вы знаете, за кого я детей почитаю?» [3, с. 97] или, обращаясь к гимназисту Коле, восторженно, восклицает: «Какие мы еще дети, Коля! И... и... как это хорошо, что мы дети!» [3, с. 537]. Он хочет видеть в любом, даже падшем человеке ребенка, ведь это верный признак способности к возрождению. Неслучайно из уст князя сравнение с ребенком в адрес того или иного героя звучит как высшая похвала. Размышляя над тем, что изменилось бы в мире, если в начале XIX в. вновь явился бы Христос, Ф. М. Достоевский говорил: «Да большинству, нашему-то российскому прошлому большинству образованного сословия, презирающему идеализм и помешавшемуся на “здравом смысле”, даже выгодно и разумно почитать благородного человека идиотом... он – идиот, они-то, стало быть, нормальные. Явись хоть сам Христос им сейчас в телесном виде, так и сам за дурака и идиота тотчас прослышет...» [4, с. 307]. Эти мысли находят отражение на страницах романа. Мышкин, проповедующий идеи добра и человеколюбия, воспринимается окружающими как идиот. Но есть в романе герои, сумевшие пройти испытание

«идиотом». Героиня Аглая Епанчина на первых порах воспринимается князем как «высокомерная девушка» [3, с. 103]. Но постепенно отношение князя к ней меняется: «Он понять не мог, как в такой заносчивой суровой красавице мог оказаться такой ребенок, может быть, действительно, даже и теперь не понимающий всех слов ребенок» [3, с. 206]. Мышкин принимает Аглаю за ребенка из-за ее наивности, мечтательности. Поэтому именно она, наивная, несмышленная, сумела разглядеть главное в князе: «Я вас считаю за самого честного и за самого справедливого человека, всех честнее и правдивее, и если говорят про вас, что у вас ум... то есть вы больны иногда умом, то это несправедливо... хоть вы и в самом деле больны умом... то зато главный ум у вас лучше, чем у них у всех, такой даже, какой им и не снился, потому что есть два ума: главный и не главный» [3, с. 327]. Эта характеристика Мышкина интересна в том плане, что выражает идею самого Достоевского: хорошо, когда человек обладает умом и сердцем. Но это редко случается. Если же надо отдать предпочтение чему-то одному, то Достоевский предпочитает сердце.

В творчестве Б. Л. Пастернака тема детства также является сквозной, получая широкое раскрытие еще в повести «Детство Люверс» и поэме «1905 год» (глава «Мне четырнадцать лет»). В романе «Доктор Живаго» она заявлена писателем с первых же страниц: мы видим десятилетнего Юру на свежей могиле матери, наблюдаем, как проходит детство Патули, Лары, Ники, Миши, Тони. О том, что эта тема для писателя являлась одной из главных, свидетельствует и рабочее название произведения «Девочки и мальчики». По Пастернаку, детство – это своего рода прелюдия к дальнейшей жизни человека. В романе показано, как маленькие дети моделируют жизнь посредством игры: «Мальчики играли в самую страшную и взрослую из игр, в войну...» [7, с. 53]. Но метафоричность ситуации заключается в том, что, вырастая, они оказываются втянуты в большую и серьезную игру под названием жизнь.

Кроме того, детская тема находит свое преломление и через классический библейский сюжет Бога-отца и христианина-младенца. Как христианин, как дитя Божие, Живаго покорно принимает свою долю. И если лирического героя стихотворения «Гамлет» ассоциировать с Юрием Живаго, то и параллель эта очевидна, герой обращается к сыновней покорностью к Богу-отцу:

«Если только можно, Авва Отче
Чашу эту мимо пронеси» [7, с. 511].

Выступая продолжателем традиции Достоевского, Пастернак считает детей эталоном доброго и нравственного в жизни. Мотив детскости как проявление духовной чистоты является одним из главных в романе. На страницах «Доктора Живаго» читаем: «Лара смеялась и с завистью думала: девочка живет в нужде, трудится. <...> А вот, поди же ты, сколько в ней еще не испорченного, детского» [7, с. 27]. Именно это «не испорченное, детское», по мнению автора, необходимо суметь пронести через всю свою жизнь.

Оба романа завершаются гибелью героев, однако оговоримся, что в случае с Мышкиным гибель условна, он погружается в беспмятство. Но в этой связи стоит отметить, что болезнь Мышкина, эпилепсия, приобретает парадоксальное метафорическое значение. Признанный больным официальной медициной и окружающими, Мышкин оказывается здоров духовно, потому что в нем есть «главный» ум, в отличие от здоровых внешне, но больных изнутри гордыней, эгоизмом. Примечательно, что и сам князь о своих припадках говорит так: «Да за этот момент можно отдать всю жизнь» [3, с. 249]. А все потому, что «...он все-таки дошел до чрезвычайно парадоксального вывода: “Что же в том, что это болезнь?.. – какое дело до того, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслышанное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни?”» [3, с. 250] Кроме того, исследу-

дователь Ю. Т. Кудрявцев трактует болезнь князя, припадки и обмороки, как проявление бессознательного. «В романе нередко бессознательное, – отмечает она, – спасает человека. Играет роль профилактическую, предохранительную. Обмороки, так часто встречающиеся в романах, суть отказа разума. Это – ограничение чувства разумом» [6, с. 153]. Обморок спас Мышкина от ножа Рогожина. И это – символично. Но чаще всего он оберегает человека не от внешнего, а от внутреннего «проступка», от ложного пути, к которому толкает разум. Например, обморок Гани Иволгина в доме Барашкиной спасает его от морального падения. Разум, расчет, жадность «вели» Ганю к камину, когда Настасья Филипповна бросила пачку денег в огонь. Он готов был достать злосчастные купюры. Но что-то внутреннее воспротивилось этому – он упал без чувств. Обморок – защитная реакция бессознательного в нем. «Бессознательное не позволяет забыть человеку, перейти грань», – считает Ю. Г. Кудрявцев [6, с. 154]. А потому обретает символическое наполнение и последний приступ болезни, случившийся с Мышкиным уже без возвращения к деятельной жизни и ясному сознанию: возможно, бессознательное в человеке пытается оградить его от действительности, где таким, как Мышкин, нет места, где они не поняты и не приняты.

К тому же в обоих случаях финал парадоксален: факт «ухода» героя (условный или реальный), изначально имеющий отрицательный коннотат, обретает положительное значение в том смысле, что это способ переро-

диться, т. е. воскрешение ожидаемо, оно не может быть без гибели. В этом же ключе прочитывается и смысл одного из рабочих названий романа Пастернака «Смерти не будет», антитеза между заглавием и финалом романа лишь мнимая. Речь идет не о телесном, а о духовном воскрешении. Именно об этом говорит Пастернак устами Юрия Живаго: «Человек в других людях и есть душа человека. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось, упивалось всю жизнь ваше сознание. Вашей душой, вашим бессмертием, вашей жизнью в других (курсив наш. – Ф. К.). И что же? В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего» [7, с. 69]. Остаться в душах других людей своими добрыми делами, словами, поступками – это и есть истинное воскрешение.

Таким образом, сопоставительное рассмотрение двух романов позволяет прийти к некоторым выводам. Во-первых, преемственность в творчестве писателей не ограничивается линией «Достоевский – Пастернак», она намного глубже и восходит к Евангелию. Именно классические библейские мотивы и сюжеты становятся одними из основных в идейном содержании произведений. Во-вторых, Достоевский, а вслед за ним и Пастернак рисуют героев, вырастающих в нечто большее, чем просто литературные образы. Они становятся воплощением общечеловеческой ценности истины и добра, не устаревающей никогда, ведь это, по сути, идея Христа, свет идеалов которого находит отклик в душе современного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альми И. А. Традиции Достоевского в поздней прозе Пастернака. («Доктор Живаго» в соотношении с романом «Идиот») // Альми И. А. Статьи о поэзии и прозе. Владимир, 1999. Кн. 2. С. 242–244
2. Библия: Книга Священного писания Ветхого и Нового завета: Каноническое: В рус. пер. с парал. местами. Можайск. Можайск. полигр. комб., Б.г. (1994).
3. Достоевский Ф. М. Идиот // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 8: Идиот: роман Л.: Наука, 1981. 568 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. 528 с.
5. Евлампиев И. Достоевский и Ницше: на пути к новой метафизике человека // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 103–125.
6. Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское). М. 1979. 295 с.
7. Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3: Доктор Живаго: роман. М.: Худож. лит., 1989. 734 с.